

Aleida Assmann

DER LANGE SCHATTEN
DER VERGANGENHEIT

Erinnerungskultur und Geschichtspolitik

MÜNCHEN
VERLAG C.H.BECK, 2006

Райнхарт Козеллек умер в 2005 году, дожив до восьмидесяти двух лет. Историк, свидетель своего времени, интеллектуал и художник — он, пожалуй, более других повлиял на послевоенное поколение немцев, пересекая границы различных научных дисциплин. Страницы этой книги дают понять, сколь многим они обязаны его работам. Высказанные Райнхартом Козеллеком сомнения, возражения и требования сделали его моим внутренним адресатом при написании книги. Она посвящается его памяти.

Предисловие

Каждый писатель, по словам Хорхе Семпруна, мечтает всю жизнь работать над одной книгой, постоянно переписывая ее. Для тех, кто избрал тему памяти, такая мечта может легко обернуться явью. Эта тема достаточно обширна, важна и увлекательна, чтобы вновь и вновь возвращаться к ней; опыт наших собственных занятий открывает все более разнообразные аспекты этой темы и предьявляет нам все новые вызовы перед лицом стремительно разрастающегося дискурса. Предлагаемая версия бесконечной книги базируется на итогах пятилетней работы, которые обозначены двойным подзаголовком: мемориальная культура и историческая политика. Подзаголовок указывает на некоторое смещение приоритетов от литературы и искусства в сторону автобиографии, общества и политики. Чтобы свести воедино разнонаправленные научные интересы, понадобились взаимно противоречивые условия: досуг и давление определенных обязательств. Мне повезло иметь и то и другое: досуг был обеспечен пребыванием в гамбургском «Доме Варбурга», а давление обязательств — приглашением в венский Институт современной истории, куда Фонд Питера Устинова приглашает профессоров для чтения лекций. Я благодарю коллег института, а также студентов за их интерес, неизменное внимание и важные творческие импульсы. Кроме того, мне выпало счастье черпать вдохновение из общения с такими собеседниками, как Бернхард Гизен, Джей Уинтер, Джеффри Хартман и Ян Ассман, которые открывали мне все новые перспективы при рассмотрении темы памяти.

Введение

ТРИУМФ И ТРАВМА

В январе 1997 года художник Хорст Хоайзель создал инсталляцию, демонстрация которой поначалу была запрещена, но потом все-таки разрешена. В ночь на 27 января, когда отмечалась первая годовщина Дня памяти жертв Холокоста, учрежденного федеральным президентом Романом Херцогом и приуроченного ко дню освобождения концентрационного лагеря Аушвиц, Хорст Хоайзель наложил на Бранденбургские ворота световую проекцию ворот концлагеря Аушвиц. «Те и другие ворота слились воедино, — прокомментировал художник свою инсталляцию. — Мне показалось это знаменательным жестом, но на протяжении холодной январской ночи он становился все менее значимым. С тех пор Бранденбургские ворота утратили для меня свою важность»¹. То, что самому автору представилось личным самовыражением и освободительным нарушением табу, приобрело далеко не кратковременный смысл в качестве художественной акции. Фотография, запечатлевшая однократный и мимолетный перформанс, увиденный в ту холодную январскую ночь лишь редкими очевидцами и воспринятый ими как случайная вспышка памяти, дала возможность увидеть эту инсталляцию многим другим зрителям в иных местах и в иное время. Фотография эфемерной акции вошла в материальные накопители памяти, коими являются архивы культуры, и была извлечена оттуда для обложки данной книги, чтобы далее излучать ту провокационность, которая для самого автора перформанса уже утасла.

¹ Gespräch mit Horst Hoheisel, см.: *Staffa, Spielmann, Nachträgliche Wirksamkeit*, 254.

Световая проекция Хоайзеля может быть воспринята как ментальный образ, позволяющий, не ограничиваясь ее кратковременным эффектом, заглянуть в глубины немецкой исторической памяти. *Во-первых*, эта видеoinсталляция демонстрирует значение Бранденбургских ворот как национального исторического символа. Обычно памятник несет эмпатическое послание потомкам, которые, однако, редко воспринимают его, а потому сам памятник вопреки изначальному послы вскоре уходит в историю и если все еще впечатляет, то лишь в качестве материального реликта минувшего времени. Иначе обстоит дело с Бранденбургскими воротами, чье значение в качестве национального символа базируется не столько на смысле, который вкладывался их создателем, сколько на событиях вокруг этого сооружения, неоднократно становившегося объектом исторического действия. Возникнув в девяностые годы XVIII века, Бранденбургские ворота служили гордым символом мира, завоеванного победой². Но уже в 1806 году после поражения Пруссии от Наполеона это послание было не просто опровергнуто; символическое опровержение отразилось на самом памятнике, чья триумфальная квадрига была доставлена в Париж в виде военного трофея. В 1813 году, после поражения Наполеона в «битве народов» под Лейпцигом, положение вновь изменилось, и скульптурная группа с триумфом вернулась на прежнее место, а Карл Шинкель сделал добавление к созданной фон Шадовом фигуре Афины-Виктории, вложив ей в руку железный крест. Этот памятник не только несет определенную смысловую нагрузку, не только воплощает собой историю, — он сам вновь и вновь становился ареной истории, ее травматических и триумфальных моментов. Захват власти Гитлером торжественно праздновался здесь 30 января 1933 года помпезным военным парадом, а 9 ноября 1989 года жители Берлина и все, кто видел падение Стены на телеэкранах, стали очевидцами очевидного исторического события.

Хоайзель, демонстрируя свою инсталляцию, констатировал, что Бранденбургские ворота «все больше казались ему просто площадкой для световой проекции». *Во-вторых*, рыночное общество с его экономикой зрелища предоставляет различным фирмам и организациям

² *Seibt*, Brandenburger Tor.

возможность использовать Бранденбургские ворота в грандиозных рекламных проектах. Когда с 2000 по 2002 год происходила реконструкция Бранденбургских ворот, концерн «Телеком» взял на себя часть расходов, а взамен на девятнадцати огромных пластиковых полотнах, которые закрывали памятник, размещал рекламу, соответствующую каждому времени года и календарным датам. Вслед за «Телекомом» попечительский Фонд памятника погибшим европейским евреям разместил в 2002 году на Бранденбургских воротах гигантский фотоплакат, пользуясь тем, что это место привлекает к себе повышенное внимание. Плакат вызвал острые споры, ибо его провокационная надпись на фоне идиллического альпийского пейзажа с синим озером и белоснежными горными вершинами гласила: «Холокоста никогда не было». Это был не только неудачный призыв к сбору пожертвований, но и пример того, насколько тесно могут переплестись связи между историческим памятником, немецкой мемориальной культурой и передовыми рекламными стратегиями мобилизации внимания.

В-третьих, Хоайзель использовал Бранденбургские ворота для инсталляции, связанной с еще одним центральным национальным «местом памяти» — Холокостом. Световая инсталляция в центре Берлина осуществила наложение национального травматического «места памяти» на национальное триумфальное «место памяти»: то, что удалено пространственно и еще сильнее разделено в сознании, оказалось совмещенным в едином визуальном образе. Диалектике и динамике триумфа и травмы уделил особое внимание в своих работах социолог Бернхард Гизен. Триумф и травма являются для него полюсами, между которыми действует мифомоторика конструирования национальной идентичности. Исторический опыт, по его утверждению, всегда перерабатывается в представлениях нации о самой себе тем или иным способом: как эйфорический апогей коллективного превосходства или как глубокое унижение и оскорбление. Инсталляция Хоайзеля вторит этому тезису Гизена. Она же наглядно демонстрирует проблематику национальной памяти немцев. Триумф и травма исключают друг друга, одно вытесняет, уничтожает другое, подвергает забвению — и все же триумф и травма неразрывно связаны в национальной памяти немцев: триумфальный символ объединения страны в центре Берлина и Аушвиц как травматическая низшая точка национального падения.

В отличие от Бернхарда Гизена, который рассматривает триумф и травму в качестве вневременных, антропологических категорий коллективного осмысления и толкования истории, Райнхарт Козеллек указывает на исторический поворот, произошедший в проблематике национальной памяти после Аушвица. Он различает два вида негативных воспоминаний: существуют негативные воспоминания о кровавом насилии и поражениях, которыми полнится мировая история; но поражение не воспринимается как «бессмысленное, если к нему приложима некая мера справедливости, то есть если оно может рассматриваться с точки зрения требуемой или предполагаемой справедливости». Однако, по мнению Козеллека, ни о какой мере нельзя говорить перед лицом экстремальных масштабов насилия и чудовищности Холокоста. Он пишет: «Не существует смыслополагания, способного хотя бы задним числом объяснить и оправдать тотальность преступлений немецких национал-социалистов. Этот негативный вывод определяет нашу память»³.

Если Холокост с его экстремальным насилием в виде массовых убийств представляет собой поворотный момент в истории, то таким поворотом обуславливаются и новые вызовы по отношению к индивидуальным воспоминаниям и коллективной памяти. Поэтому неудивительно, что отзвук этих событий привел к сдвигам в основах и закономерностях мемориальных процессов, а возникшие «аномалии» привлекли к себе внимание исследователей.

Настоящая книга не является историческим исследованием, она не претендует на научный вклад в изучение Холокоста или Второй мировой войны. Она рассматривает исключительно последующее восприятие данных событий, задаваясь вопросами о том, в каком виде и каким образом происходят индивидуальные воспоминания, как разделяется или замалчивается коллективный опыт, как он получает публичное признание, снова и снова реконструируется в медиальных формах и ритуальных презентациях. При этом особое внимание уделяется психическим диспозициям индивидуумов или социумов, политическим и культурным условиям, в которых протекают мемориальные процессы, а также выявлению закономерностей и сопоставимости этих процессов.

³ *Koselleck, Formen und Traditionen des negativen Gedächtnisses, 22.*

Мы переживаем ныне «посттравматическую эпоху», в которой мемориальные практики тесно переплетены с мемориальными теориями. Индивидуальные и коллективные воспоминания становятся все менее спонтанным, естественным или сакральным актом, они во все большей мере опознаются как социальные и культурные конструкты, изменяющиеся во времени и обретающие собственную историю.

Понятие травмы приобрело ныне чрезвычайно широкую трактовку, что отражает растущую чувствительность общества по отношению к теме насилия как в плане обусловленных этим насилием страданий, так и в плане связанной с ним вины. Трагические масштабы Холокоста таковы, что его нельзя «преодолеть» с помощью традиционных психотерапевтических, политических и культурных стратегий «проработки прошлого». Опыт Холокоста, необратимо изменивший современный мир, и осмысление этого опыта привели к формированию целого арсенала понятий и норм, действие которых распространяется и на бытовое насилие, скажем, на акты сексуального надругательства над детьми, и на исторические формы насилия вроде рабства, геноцида по отношению к коренным народам, колониального угнетения или событий Первой мировой войны. Подобное концептуальное и дискурсивное расширение той сферы, где используется понятие травмы, отнюдь не приводит к релятивизации Холокоста или отрицанию его уникальности, что вызывало опасения два десятилетия тому назад, когда в Германии разгорелся «спор историков». Скорее здесь дает о себе знать радикальный моральный и когнитивный «поворот», который в *свете данных событий* заставляет нас переосмыслить исторические эксцессы насилия, а главное, позволяет описать и оценить такие явления, для которых раньше не было адекватного языка и которые не привлекали себе остро заинтересованного внимания общественности.

Все это и является непосредственной темой данной книги. В ней задается вопрос, с какими аномалиями и особенностями негативной памяти (как ее определяет Райнхард Козеллек) мы сталкиваемся на национальном и транснациональном уровнях. Далее будет изучено, как различные формы негативных воспоминаний, появляющихся под знаком вины или под знаком страданий, исключают друг друга или же сочетаются друг с другом. Мы попытаемся выяснить, как, когда и при каких условиях индивидуальные воспоминания переводятся в коллек-

тивную память, которая обретает воспроизводящуюся форму, и какие проблемы возникают при подобном переводе. В современных научных исследованиях памяти доминирует проблема прошлого как конструкта, который создается человеком в зависимости от его актуальных возможностей и потребностей. Слово «тьма» в заглавии книги подчеркивает, напротив, аспект несвободы последующих поколений от травматического прошлого и невозможности обходиться с ним по своему усмотрению. Нам предстоит выяснить, как представления о свободе волеизъявления, о собственных возможностях и о способности к действию сочетаются с представлениями о давлении бессознательного, непрозрачности собственных интенций и устойчивой заданности.

Воспоминания существуют в поле напряжения между активностью и пассивностью, которое можно охарактеризовать двумя противоположными позициями. Обе заимствованы из литературы XX века. Первую представляет Кари, герой комедии Гуго фон Гофмансталя «Трудный характер» (1923), в которой автор отразил свой травматический опыт Первой мировой войны (один из друзей Гофмансталя перенес тяжелую контузию, которая изменила всю его жизнь). Кари говорит: «Прошлое нельзя вызвать, как вызывают в полицейский участок»⁴. Характеристика противоположной позиции содержится в романе Итало Звево «Самопознание Дзено», где автор обращается к проблемам психоанализа:

«Настоящее дирижирует прошлым, словно музыкантами оркестра. Настоящему нужны именно такие звуки, а не другие. Поэтому прошлое кажется то ближе, то дальше. Оно то звучит, то умолкает. На настоящее воздействует лишь та часть прошлого, которая нужна, чтобы либо осветить это настоящее, либо затемнить его»⁵.

Моя книга посвящена не Холокосту или Второй мировой войне, она исследует динамику индивидуальных и коллективных воспоминаний, на которые падает тень «травматического прошлого». Воспоминания не представляют собой замкнутую систему, они всегда соприкасаются с иными воспоминаниями или импульсами забвения, модифицируются или поляризуются в общественной реальности по отношению к другим воспоминаниям. Поэтому речь в книге будет вновь и вновь идти о кон-

⁴ *Koselleck*, *Formen und Traditionen des negativen Gedächtnisses*, 23.

⁵ *Svevo*, *Zeno Cosini*, 467.

ВВЕДЕНИЕ

стелляциях, переплетениях и конфронтациях различных воспоминаний. На протяжении последнего десятилетия этими темами интенсивно занимались многие исследователи, написанными работами заполнились целые библиотеки. Однако при огромном количестве публикаций об индивидуальной и коллективной памяти явно ощущается недостаточность попыток объединить различные дисциплинарные подходы внутри общего мемориального дискурса, которые развивается порой на малосовместимых научно-методических основах. Поэтому первая методическая цель данной книги состоит в том, чтобы предпринять такую попытку и тем самым поднять мемориальный дискурс на новый уровень междисциплинарной интеграции. Вторая цель состоит в стремлении четко определить понятия, которые фигурируют в мемориальном дискурсе. Без такой работы над необходимыми различиями, которая, надеемся, не покажется излишним педантизмом, сам этот дискурс вскоре пойдет вхолостую. Наконец, третья цель заключается в том, чтобы увязать теоретическую работу над системой базовых понятий (первая часть книги) с рассмотрением конкретных тем и фактов новейшей истории (вторая часть), причем обе части построены таким образом, что они взаимно отражают, комментируют и дополняют друг друга. Наконец, справедливости ради необходимо добавить, что динамика индивидуальной и коллективной памяти ставит гораздо больше проблем, нежели дает соответствующих решений. Однако, как замечает Дирк Бекер, и нерешенные проблемы полезны. Их полезность заключается в том, что «беспокоящие нас малые или большие проблемы служат постоянным напоминанием о том, что у нас еще далеко не все под контролем. Следовательно, необходимо постоянно мобилизовывать ресурсы не только ментального, но и материального свойства, чтобы спросить себя, а нельзя ли все-таки решить эту до сих пор не решенную проблему»⁶.

⁶ *Baecker, Kluge, Vom Nutzen ungelöster Probleme.*